

ЯНКИ И КАМЕННЫЕ БОГИ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛИСТА

ОЛЕСЬ БЕНЮХ

МАДРАССКОЕ солнце в зените. Длиннолистые узорчатые ветви пальм беспомощно обвисли, словно мертвые паруса рыбацких катамаранов в безветрие. Пешеходов почти не видно. Впряженный в повозку с мебелью звонко прошлепал босыми ступнями рикша, похожий на переломленный бамбук. Прошуршал шинами по раскаленному асфальту новенький «бьюик». И снова набережная замирает.

Едва слышно вздыхает прибойная волна, нехотя наползая на желтый песок. На горизонте океан сливается с небом. В белесых лучах солнца он похож на огромный лист жести...

По вечерам на берегу отдыхают целыми семьями тысячи мадрасцев. Сейчас в этом естественном парке отдыха ни души.

Островерхние тростниковые шалаши рыбаков в беспорядке разбросаны вдоль берега. Они так побурели и раскалились от зноя, что, кажется, того и гляди вспыхнут, как свечи. Неподалеку отсюда, в небольшом озере спрятались буйволы. Над водой видны лишь кроткие, усталые глаза да раздутые ноздри. Не парит в высоте коршун, не крикнет попугай в ветвях манго, не шелохнется гриф на верхушке высохшей магнолии.

Я пересекаю набережную и, миновав Армянскую улицу, углубляюсь в город. Не видно даже продавцов мороженого. Мой взгляд машинально скользит по рекламным вывескам. На широкой стеклянной двери отливает золотом, манит надпись: «Добро пожаловать! Полностью охлажденный воздух!» Вхожу. В первое мгновение захватывает дух, словно нырнул в прохладную горную речку. Где-то чуть слышно гудит кондиционер. Жидкий свет сочится лишь через дверь. В противоположном конце вместительного зала полумрак. У конторки лениво дремлет индеец. Вдоль стен протянулись стеллажи с товарами, застекленные витрины, шкафы и шкафчики, современные картины и каменные изваяния. Я — в магазине-салоне, редкостей и древностей.

Магазины и лавки, забитые снизу доверху брошками и бусами из слоновой кости и старинными изделиями из металла, каменными статуэтками и фигурками индийских богов, встретишь в городах любой части страны. В Сринагаре и Мадураре, Аллаха-

абаде и Мангалуре многоопытный уличный торговец будет с обескураживающей восточной дотошностью доказывать, что его «несравненный танцующий Шива» — не пустынная медная поделка, а «истинная работа мастеров III века, стопроцентная гарантия!» В конце концов покупатель берет какую-нибудь безделушку, радуется ее дешевизне, а в глубине его сознания робко мерцает надежда: «Что, если настоящая?!»

Магазин, в котором я находился, был поставлен на широкую ногу. Рядом с модернистскими полотнами и скульптурными группами мирно сосуществовали всяких размеров священные каменные головы и фигуры с хорошо заметными отполированными вмятинами от прикосновений бесчисленных рук верующих, деревянные панели искусной резьбы — когда-то розоватые, воздушные, а теперь почерневшие и угрюмые. Казалось, кто-то прилежно собирал украшения из храмов Индии, а затем для равновесия поспешно и не в меру щедро разбавил их унылыми творениями ремесленников атомного века.

Медленно двигаюсь вдоль полок, поочередно рассматривая экспонаты этого торгующего музея, иногда останавливаюсь — многое здесь действительно интересно.

Внезапно передо мной бесшумно появился индеец. Высокий, пожилой, в элегантном светлом костюме европейского покроя, он несколько мгновений изучал меня цепким, оценивающим взглядом прирожденного коммерсанта. Мы обменялись приветствиями.

— Торговля не очень бойкая, — заметил я, кивнув головой на безлюдный зал.

— Не очень, — согласился он. Видимо, придя к твердому выводу, что перед ним не миллионер, он явно потерял ко мне всякий интерес и лениво продолжал разговор — так, из обычной вежливости:

— В моем деле торговля идет три-четыре дня в году. Сразу на сотни тысяч рупий. Остальное время — поиски товара. Для меня покупатель в пределах пятидесяти-семидесяти рупий — это...

Он пренебрежительно усмехнулся, не найдя подходящего слова.

— Обуза? — попытался я закончить его мысль. — В таком случае кто же ваши клиенты?

— Заморские туристы главным образом.
— Но, насколько мне известно, вывоз исторических ценностей за границу воспрещен?

Он посмотрел на меня так, как смотрят взрослые на не в меру любознательных детей, снисходительно усмехнулся, но промолчал.

И все-таки мы разговорились. Узнав, что я из России, он оживился, стал расспрашивать меня о старинных русских иконах, настенной живописи.

— А для того чтобы вы имели представление о моих ценах, обратите внимание на эту пару пятифутовых массивных идолов. Великолепные экземпляры, XII век. Тридцать пять тысяч долларов. Почти даром. А какой товар!

Я подошел к старинным изваяниям. Исполненные в предельно скупой манере из черного матового камня, они поражали строгим изяществом линий, совершенством пропорций, одухотворенной торжественностью лиц. Им бы красоваться у входа в величественный храм, слава руки и сердце безвестного гения, создавшего их, им бы...

— Раск!¹ — это слово, произнесенное с заметным американским акцентом, четко и властно упало в пустоту магазина, будто звякнула вдруг о каменный пол тяжелая монета. Я обернулся. У двери стояли два упитанных янки. В сдвинутых на затылок соломенных шляпах и ярких зеленых шортах они хитро посмеивались, словно выдали удачную остроту, шарили взглядом по полкам.

¹ — Упакуйте!

Быстро обойдя магазин, иногда задавая отрывистые вопросы хозяину, который скользил за ними послушной тенью, ощутив, осмотрев, прикинув в руках десятки украшений из камня, дерева, меди и слоновой кости, они вернулись к двери, перекинулись несколькими фразами. Один из них подмигнул хозяину и, подняв короткую волосатую руку, энергично разделил зал невидимой чертой пополам. Показав глазами на левую половину, коротко бросил еще раз: «Раск!» — и стал вытирать платком лицо, как после трудной физической работы.

Появилось сразу несколько кули, и каменные боги под надзором янки стали покорно перекочевывать в широко распахнутое чрево грузовика...

Уже уехал грузовик, следом укатили в низком, широченном «Шевроле» улыбавшиеся американцы, куда-то исчез хозяин. А я стоял у опустевших полок и думал о семантике слова «раск». Во время корейской кампании, когда мужественные северяне гнали неудержимо улепетывавших на юг американцев и лисынмановцев, самым популярным среди солдат и офицеров 8-й армии США было это же слово. Правда, тогда оно употреблялось в другом значении, которое в переводе на русский звучало примерно так: «Дай бог ноги!»

Да, у слов бывает несколько значений. И какое из них основное, главное — обычно решает время.

О своих лингвистических наблюдениях мне хотелось рассказать хозяину магазина. Но его еще не было. И я утешил себя тем, что он все равно вряд ли бы меня понял.

СТИХИ ПОЭТОВ АФРИКИ

ДЕННИС ОСАДЕБЕЙ

Нигерия

ДА БУДЕТ ТАК!

Через леса, пески и тростники,
растущие у берега реки,
летят, как стаи птиц на острова,
героев умирающих слова.

Мы жили, мы работали, — мы те,
кто не бросал отечества в беде;
во имя счастья, мира и свобод,
давно мы проливаем кровь и пот.
От этой влаги солонья моря,
так неужели мы погибнем зря,
и нашим детям повелит судьба
опять склониться под ярмо раба!
Умолкли павших смелые сердца,
Но пусть живые бьются до конца!

И Африка, пылая, как маяк,
ответствует сынам: «Да будет так!»

Перевел с английского
Анатолий Сендык

ПЕСНЯ НАРОДНОГО ВОЖДЯ

Мой трон — из грязи и гнилья,
Лохмотья — мантия моя,
Венок терновый — герб мой
родовой,

И правда — скипетр мой.
Моя тропа трудна, длинна,
Идет меж пропастей она,
Над безднами, где в черной
глубине

Поток ревет на дне.
И дни и ночи напролет
Без страха я иду вперед.
Лишь мужество и сильной воли
власть

Мне не дают упасть.
И пусть враги мне гибелью
грозят —

Не поверну назад!

Перевел с английского
Георгий Бен

СЭМЮЭЛ ФАДИПЭ

Гана

МОЯ АФРИКА

Земля алмазов, золота и пальм,
страна озер, и рек, и гордых гор,
звалась ты прежде «черным»

континентом,
землей насилия и нищеты.
Тебя хотели превратить в могилу,
но станешь ты землей обетован-
ной,

свободы краем,
континентом счастья.
Тебе готов я жизнь свою отдать.
Объединяйтесь, братья-африканцы!
Единством завоюем мы свободу,
в единстве тесном крепнут наши
силы,

моя отчизна, Африка моя!

Перевела с английского
Елена Аксельрод